

А.Б. Раскин

КАК ПАПА ОТОМСТИЛ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Когда папа был маленьким и учился в школе, у него были разные отметки. По русскому языку – хорошо. По арифметике – удовлетворительно. По чистописанию – неудовлетворительно.

По рисованию – плохо с двумя минусами. И учитель рисования обещал папе третий минус.

Но вот однажды в класс пришла новая учительница. Она была очень симпатичная. Молодая, красивая, весёлая, в каком-то очень нарядном платье.

– Меня зовут Елена Сергеевна, а вас как? – сказала она и улыбнулась.

И все закричали:

– Женя!

– Зина!

– Лиза!

– Миша!

Елена Сергеевна зажала себе уши, и все умолкли.

Тогда она сказала.

– Я буду вас учить немецкому языку. Согласны?

– Да! Да! – закричал весь класс.

И вот маленький папа начал учиться немецкому языку. Сначала ему очень понравилось, что стул по-немецки – дер шуль, стол – дер тыш, книга – дас бух, мальчик – дер кнабе, девочка – дас медхен.

Это было похоже на какую-то игру, и всему классу было интересно это узнать. Но когда начались склонения и спряжения, некоторые кнабе и медхен заскучали. Оказалась, что немецким языком надо заниматься серьёзно. Оказалось, что это не игра, а такой же предмет, как арифметика и русский язык. Надо было сразу учиться трём вещам: писать по-немецки, читать по-немецки и говорить по-немецки.

Елена Сергеевна очень старалась, чтобы на её уроках было интересно.

Она приносила в класс книжки с весёлыми историями, учила ребят петь немецкие песенки и шутила на уроке тоже по-немецки. И тем, кто занимался как следует, было действительно интересно.

А те ученики, которые не занимались и не готовили уроков, ничего не понимали. И конечно, им было скучно. Они всё реже заглядывали в дас бух и всё чаще молчали, как дер тыш, когда Елена Сергеевна их спрашивала.

А иногда, перед самым уроком немецкого языка, раздавался дикий крик: «Их хабе шпацирен!» – что в переводе на русский язык означало: «Я имею гулять!» А в переводе на школьный язык означало: «Я имею прогуливать!». Услышав этот вопль, многие ученики подхватывали: «Шпацирен! Шпацирен!».

И бедная Елена Сергеевна, придя на урок, замечала, что все мальчики изучают глагол «шпацирен», а за партами сидят одни девочки. И это её, понятно, очень огорчало. Маленький папа тоже занимался главным образом шпациреном. Он не хотел этим обидеть Елену Сергеевну.

Просто очень весело было убежать с урока, прятаться от директора и учителей, скрываться на школьном чердаке от Елены Сергеевны. Это было гораздо интереснее, чем сидеть в классе, не выучив урока, и на вопрос Елены Сергеевны: «Хабен зи дер федермессер? (есть ли у тебя перочинный нож?)» – отвечать после долгого раздумья: «Их ниht...» (что по-русски звучало очень глупо: «Я нет...»).

Когда маленький папа так ответил, над ним смеялся весь класс. Потом смеялась вся школа.

А маленький папа очень не любил, когда над ним смеялись. Он гораздо больше любил сам смеяться над другими. Если бы он был умнее, то начал бы заниматься немецким языком, и над ним перестали бы смеяться. Но маленький папа очень обиделся. Он обиделся на учительницу. Он обиделся на немецкий язык. И он отомстил немецкому языку.

Маленький папа никогда им серьёзно не занимался. Потом он не занимался как следует французским языком в другой школе. Потом он почти не занимался английским языком в институте. И теперь папа не знает ни одного иностранного языка. Кому же он отомстил?

Теперь папа понимает, что обидел самого себя. Он не может читать многие свои любимые книги на том языке, на котором они написаны. Ему очень хочется поехать в туристическое путешествие за границу, но ему стыдно ехать туда, не умея говорить ни на одном языке. Иногда папу знакомят с разными людьми из других стран. Они плохо говорят по-русски. Но все они учат русский язык, и все они спрашивают папу: «Шпрехен зи дойч?», «Парле ву франсе?», «Ду ю спик инглиш?» А папа только разводит руками и качает головой. Что он может им ответить? Только: «Их нихт...» И ему очень стыдно.

1963